

Глава первая

На черном мешке расстегнулась молния, и показался ее первый в тот день «клиент». Полуоткрытые ярко-голубые глаза женщины уставились на Кэсси невидящим взглядом.

— Здравствуйте, миссис Коннери. Меня зовут Кэсси Рэйвен. Я буду заботиться о вас, пока вы с нами, — голос Кэсси прозвучал мягче, чем в ее разговоре с живыми людьми. Рэйвен не сомневалась, что мертвая женщина слышит, и надеялась, что эти слова хоть как-то ее утешат.

Накануне вечером, готовясь в ванной ко сну, Кейт Коннери упала в обморок и умерла там же, на полу. Она скончалась за неделю до своего пятидесятилетия. Морщинки, образовавшиеся от смеха, испещряли ее открытое, но серьезное лицо; волосы были слишком равномерно окрашены для естественной брюнетки.

Кэсси взглянула на часы и выругалась. Появился новый патологоанатом для составления списка дневных вскрытий, а также Карл — болезненный молодой лаборант — и три тела для обработки. Все вместе это предвещало адский понедельник.

Однако Кэсси Рэйвен, не торопясь, стянула через голову с миссис К. ночную рубашку, уловив при этом слабый аммиачный запах пота или мочи, и аккуратно сложила рубашку в пластиковый пакет. Вещи, в которых кто-то умирал, много значили для близких покойного, иногда даже больше, чем само тело, к которому скорбящие родственники никак не могли привыкнуть. Мертвое тело порой может восприниматься как пустой чемодан...

— Нам нужно выяснить, что с вами случилось, миссис К., — произнесла Кэсси. — Мы должны задать несколько вопросов Деклану и вашим парням.

С первого дня пребывания в морге, то есть еще пять лет назад, Кэсси Рэйвен казалось совершенно естественным разговаривать с телами, находящимися на ее попечении, и обращаться с ними так, словно эти люди все еще живы. Иногда они даже отвечали Кэсси.

Впрочем, ответ ничем не напоминал речь живого человека — прежде всего потому, что их губы не двигались. Это было так мимолетно! Возможно, она что-то додумывала. *Почти*. Обычно они произносили что-то вроде «*Где я?*» или «*Что случилось?*» — всего лишь недоумевали, почему очутились в столь странном месте. Но время от времени Кэсси убеждалась, что их слова содержали подсказку, как именно они умерли.

Кэсси никогда никому не рассказывала об этих разговорах, ведь все и так считали ее странной. Люди никогда бы и не узнали того, о чем Кэсси Рэйвен знала в глубине души: мертвые умеют говорить. Но только если ты умеешь слушать.

Единственными внешними признаками, что с миссис Коннери что-то не так, были несколько красных пятен на щеках и на лбу и огромный синяк в форме кулака на груди, полученный когда-либо от ее мужа, либо медики отчаянно делали искусственное дыхание. Кэсси просмотрела записи. После ночи, проведенной в пабе за просмотром футбольного матча, Деклан, муж миссис К., вернулся домой и обнаружил

жену без сознания. Скорая помощь доставила миссис Коннери в больницу, однако по прибытии ее объявили мертвой.

Ввиду неожиданности смерти Кейт Коннери — она, по видимому, была здорова и несколько месяцев вообще не видела своего врача — базовое или «обычное» вскрытие для установления причины смерти являлось обязательным требованием. Кэсси положила руку на ледяное предплечье миссис Коннери и ждала, когда ее собственное тепло прогонит трупный холод.

— Скажешь мне, что случилось? — тихо произнесла женщина.

Несколько секунд ничего не происходило, но затем Кэсси ощутила знакомое чувство скольжения, за которым последовала рассеянная задумчивость. В это же время чувства Кэсси обострились: гул холодильника для хранения тел перерос в рев реактивного двигателя, верхнее освещение внезапно стало болезненно-ярким.

Воздух над телом миссис Кейт Коннели, казалось, зашипел от последней искры электричества, которое оживляло ее в течение пяти десятилетий. Сквозь помехи Кэсси Рэйвен услышала низкий хриплый шепот:

— *Я не могу дышать!*

Глава вторая

Как всегда, все закончилось в одно мгновение переходом в состояние, которое напоминало Кэсси пробуждение от глубокого сна, когда разум пытается удержать детали, чувствуя, что они ускользают как вода сквозь раскрытые пальцы.

Во всяком случае, слова миссис Коннели не очень-то помогли. Кэсси Рэйвен не обнаружила в записях ни астмы, ни эмфиземы. Кроме того, существовала масса других нарушений, способных повлиять на дыхание. Она все еще

размышляла, что еще можно сделать, когда открылась дверь из чистой зоны. Это был Дуг, управляющий моргом. За ним следовал высокий парень с лохматой челкой. Дуг представил его как доктора Арчи Каффа, нового патологоанатома.

Сняв нитриловую перчатку, Кэсси протянула Каффу руку.

— Кэсси Рэйвен, старший технический специалист морга, — просиял Дуг. — Это она заставляет здесь всех работать как часы.

Хотя Арчи носил запонки и галстук, ему вряд ли было больше тридцати, то есть максимум лет на пять старше Кэсси. Девушка сразу заметила, что его темно-синий пиджак был подлинным изделием фирмы *Barbour*, а не подделкой, поскольку металлическую застежку-молнию украшало тиснение фирменного знака этой марки. Судя по галстуку из темно-синего шелка с широкой белой полосой наискосок, мужчина учился в школе в Хэрроу. Кэсси всегда замечала такие вещи, сколько себя помнила.

— Буду рад поработать с вами, Кэти.

Молодой человек говорил с фальшивым, полууличным акцентом, какой предпочитали молодые члены королевской семьи, и улыбался столь же бойко, как член кабинета министров. Судя по тому, как Кафф скользнул по молодой женщине взглядом, он уже поместил ее в коробку с надписью «фаворитка».

А Кэсси Рэйвен редко испытывала к кому-то мгновенную неприязнь. Знакомство же с Арчи Каффом стало исключением.

— Взаимно, — съязвила она, — особенно если вы правильно запомните мое имя.

Кафф покраснел от воротника полосатой рубашки до рыжеватых бакенбардов, но по крайней мере присмотрелся к ней внимательнее. И, судя по вспышке отвращения, промелькнувшей на лице, увиденное Арчи не слишком понравилось. Трудно было сказать, что именно: то ли ее краше-

ные черные волосы с выбритыми висками, то ли пирсинг на лице. Или даже просто то, как девушка выдержала его взгляд. Кэсси пришлось бороться с юношеским порывом снять верхнюю часть одежды и блеснуть своими татуировками.

Глаза Дуга метались между Рэйвен и Каффом, как у новичка-рефери на боксерском ринге.

— Пожалуй, оставлю вас, ребята, — произнес он.

Кэсси знала, что позже Дуг, скорее всего, напомнит ей свое золотое правило: *«Никогда не забывай: патологоанатом может превратить твою работу в мечту или в кошмар»*.

После краткого осмотра тела миссис Коннери, во время которого Кафф и Рэйвен почти ничего не обсуждали, кроме самого необходимого, мужчина оставил Кэсси делать вскрытие.

Девушка приставила скальпель к горлу миссис К. В этот момент Кэсси должна была перестать думать о Кейт Коннери как о человеке и начать рассматривать ее как загадку, требующую решения, и как неизведанную территорию для исследования. Без такого изменения точки зрения какой нормальный человек мог бы разрезать другого?

Первый решительный взмах вниз по грудиने раскрыл ткань так же легко, как старую шелковую занавеску. Достигнув мягкой области живота, Кэсси Рэйвен не остановилась, а лишь ослабила нажим, чтобы избежать повреждения нижних органов, и закончила разрез чуть выше лобковой кости.

Не прошло и пяти минут, как Рэйвен с помощью специальных ножниц для костей вскрыла грудную клетку миссис К., обнажив ее сердце и легкие. Кэсси ловко отсоединила органы от их креплений. Сразу же после этого девушка обеими руками вытащила все внутренности умершей — от языка до уретры — и осторожно отправила их в пластиковое ведро. Это тот самый мрачный момент, заставлявший Кэсси Рэйвен каждый раз чувствовать себя повивальной бабкой смерти.

Зайдя за голову миссис К., девушка передвинула деревянный блок, поддерживающий шею умершей, и начала резать кожу черепа. Кэсси старалась держаться линии роста волос, чтобы густые темные волосы миссис К. закрыли разрез после того, как Кэсси его зашьет. Это особенно важно: родственники умершей будут хоронить Коннери в открытом гробу. Когда Рэйвен убирала темные волосы с пути скальпеля, она обнаружила блестящее красное пятно на затылке. Экзема? А ведь в медицинских записях о ней не упоминалось. В любом случае экзема людей не убивает.

Как только вибрационная пила сделала свое дело, Кэсси сняла скальп со свода черепа и освободила мозг. Сжимая его двумя руками, девушка на мгновение представила себе Кейт Коннери, какой она, возможно, была в жизни — приземленной главой семьи, с веселым смехом, в окружении семьи и друзей в пивной Кэмден-Тауна.

Арчи Кафф вернулся, но атмосфера между ними так и не потеплела: за двадцать минут, потраченных на препарирование органов миссис К., мужчина только один раз заговорил с Кэсси, пожаловавшись, что его РМ40 затупился. Эта фраза лишь подтвердила первое впечатление Кэсси об Арчи как о типичном высокомерном шикарном парне, который ставил технических работников морга чуть выше рабочих скотобойни. Более опытный патологоанатом спросил бы Рэйвен о причине смерти, и не только из вежливости: технический персонал проводил с телами гораздо больше времени и иногда замечал улики, которые могли быть и пропущены.

Когда Кафф двинулся вдоль скамьи для вскрытия к раковине, чтобы ополоснуть окровавленные руки в перчатках, Кэсси начала собирать органы миссис К. в пластиковый пакет, готовый воссоединиться с ее телом.

— Итак, каков вердикт? — спросила она Арчи.

— Пока нет ничего убедительного для объяснения ее смерти, — лишь пожал плечами тот. — Нам придется подо-

ждать и посмотреть, обнаружат ли лабораторные работники что-нибудь полезное. Токсикологи проверят физиологические жидкости миссис К. на наличие лекарств, а ее органы подвергнут гистопатологии, чтобы выявить микроскопические признаки заболевания.

— Вы нашли петехии в ее легких? — спросила Кэсси как можно небрежней.

Кафф повернулся и удивленно посмотрел на нее:

— А почему вы спрашиваете?

Рэйвен пожала плечом:

— Мне просто показалось, что лицо этой женщины выглядит очень напряженным.

Я не могу дышать.

Петехии — крошечные лопнувшие кровеносные сосуды — могут сигнализировать о нехватке кислорода.

— Ее нашли лицом вниз. Из новейших научных источников ясно, что положение лежа после смерти может вызвать петехиальное кровоизлияние, — иронично заметил Арчи Кафф, выглядевший слегка растерянным, и выдавил снисходительную улыбку. — Если вы надеялись на яркое убийство, то, боюсь, вы ошиблись: в этом случае нет никаких признаков удушья.

Кэсси в свою очередь знала, что асфиксия с таким же успехом может иметь медицинскую причину, но подавила желание нанести ответный удар. Бросив кусочек почки в банку с лабораторным консервантом, она взглянула на тело миссис К. Грудная клетка умершей напоминала открытую книгу; темная пустота там, где раньше были органы. Блестящие черные волосы сверху изуродованного тела миссис Коннери выглядели неуместно.

Свет от флуоресцентных ламп над головой вспыхнул и заставил Кэсси закрыть глаза, а вездесущий запах формалина внезапно стал настолько резким, что словно вцепился ей в горло. За веками Рэйвен мелькали образы: открытое пятнами лицо миссис К., чешуйчатое пятно на шее.

Девушка почувствовала, как у нее перехватило горло, и вдруг в одно мгновение все встало на свои места.

— Просто заскочу в туалет, — объяснила она Каффу, выскользнула в коридор и взялась за телефон. — Мистер Коннери? Это Кэсси Рэйвен из морга.

Через десять минут Кэсси вернулась.

— Извините, что так долго, — сказала она Каффу. — У меня только что был интересный разговор с мужем миссис Коннери.

— С мужем? — Арчи, казалось, смутился от мысли, что у тела есть супруг.

— Да, когда он вчера вечером уходил, Кейт Коннери сказала мужу, что собирается покрасить волосы.

— И что же в этом такого?

— Муж говорит, у Кейт уже дважды была аллергическая реакция на краску для волос. Казалось, ничего серьезного, однако на этот раз, судя по всему, это действие вызвало смертельный анафилактический шок.

Глава третья

— Это всего лишь я, *Babcia**! — Кэсси на собственном горьком опыте убедилась, что неплохо объявлять о своем приезде при входе в дом бабушки, который стал домом ее детства после смерти родителей. Однажды, когда Рэйвен было семнадцать лет, она чуть не получила от бабушки скалкой по голове, воровавшись в три часа ночи, да еще и под экстази.

В детстве Кэсси очень любила момент, когда она покидала бетонную дорожку, продуваемую ветром, и входила в жаркое пахнущее корицей нутро квартиры, будто дверной проем был некими магическими воротами в иной мир.

* Бабушка (*польск.*).

— Кассандра, *tygrysek**! — бабушка отвернулась от плиты, чтобы поздороваться с Кэсси. Макушка старушки едва доставала до носа внучки, но объятия были столь сильными, что могли сломать ребро.

— Ты похудела, — укоризненно заметила пожилая женщина.

— Не благодаря тебе, — Кэсси принохалась. — Грибы и сметана... Вареники. А маковый рулет на десерт?

Бабушка с прищуром посмотрела на внучку .

— Грибы, конечно, можно унюхать, а как вареники?

Кэсси провела по краю рабочей поверхности стола и показала бабушке след белой пыли на кончике пальца.

— Когда ты делаешь *корутка*** или хлеб, то я не чувствую запаха дрожжей.

— А про маковый рулет?

— В холле лежит новый номер твоего любимого журнала. Значит, ты была в польском магазине в Ислингтоне. Ты никогда не уйдешь оттуда, не купив *makowiec****.

— Иди и садись, умница, — не в силах сдержать улыбку, бабушка выпроводила Кэсси Рэйвен из кухни.

В гостиной Кэсси опустилась в кресло и почувствовала, как тепло окутывает ее, подобно одеялу. Единственными звуками были мягкие *хлоп, хлоп, хлоп* из газового камина. Сейчас трудно поверить, но подростком Кэсси смотрела на этот дом как на перегретую тюремную камеру, а на бабушку — как на главного надзирателя с глазами-бусинками. К шестнадцати годам Рэйвен уже проколола язык, выкрасила бирюзовым прядь волос и выкурила свой первый «косяк». Что касается школы, «*Кэсси предпочитает расспрашивать своих учителей, а не получать от них знания*», — гласил табель успеваемости. Тогда девушке казалось, весь

* Тигрёнок (*польск.*).

** Копытко (*польск.*) — блюдо из картофеля, распространенное в кулинарии Белоруссии, Литвы и Польши.

*** Маковый рулет (*польск.*).

взрослый мир объединился с одной целью: уничтожить право Кэсси на самовыражение.

Из кухни донеслось неожиданное: «У меня для тебя кое-что есть!», после чего послышался звук закрывающейся дверцы морозильника. Vabcia вошла, заложив руки за спину, а затем протянула внучке пластиковый контейнер.

— Итак, какие догадки?

Внутри Кэсси обнаружила замерзшую белку. Положив беличью мордочку к себе на колени, девушка осмотрела ее также нежно, как одного из своих человеческих подопечных. Кэсси уже представляла, как возвращает белку к жизни с помощью таксидермии, которой девушка недавно занялась.

Мертвая белка показалась бы весьма странным подарком для большинства людей, но они не знали, что Кэсси Рэйвен с детства тянуло к мертвецам. Она до сих пор помнит, когда в первый раз увидела лису, лежавшую в канаве, — ее переехала машина. Наклонившись, чтобы погладить щетинистый рыжеватый мех бедняжки, девушка увидела, как та на мгновение преобразилась в резвящегося лисенка.

— Разве она не прекрасна? — Кэсси погладила беличью чистую шкурку, излишне безупречную для смерти на дороге. — Где ты ее нашла?

— Я взяла белку у мусорщика. Он у меня теперь в долгу.

Кэсси не хотелось спрашивать, что это означает. Бабушка, жительница многоэтажного дома, вела единоличную войну против граффити, свалок мусора и прочих антиобщественных явлений. Несколько недель назад Vabcia даже столкнулась с наркоторговцем, который сбывал марихуану школьникам на лестничной площадке, но всякий раз, когда Кэсси пыталась поговорить о столь рискованном поведении бабушки, пожилая женщина поднимала подбородок и говорила, что эмигрировала в свободную страну не только для жизни в страхе. Как и Кэсси, Вероника Янек была мятежной девушкой с той лишь разницей, что в Польше

50-х годов участие в протестах против коммунистического режима заставило Янек сесть в тюрьму на шесть месяцев.

Когда еда была готова, девушка подготовила старый карточный столик, который ее бабушка использовала для еды. Пока они ели, внучка упомянула о прибытии нового патологоанатома.

— И он тебе не понравился? — Vabcia пронзительно посмотрела на Кэсси.

— Мое мнение не имеет значения. Я всего лишь одна из подчиненных. Хотя сегодня и одержала небольшую победу.

Затем она рассказала всю историю, исключая то, как услышала от миссис Коннери: «Я не могу дышать». Разговоры Кэсси Рэйвен с мертвыми были слишком *сакральными*, чтобы делиться ими даже с бабушкой. Во всяком случае, каждый раз, когда девушка рационально рассматривала эти моменты, ей приходилось признать: возможно, это ее подсознание сводило все вместе. Например, разве она не заметила пятна на лице миссис К., *прежде чем* та заговорила?

— Муж Кейт Коннери сказал, что у нее и раньше случались вспышки крапивницы после окраски волос.

— Однако Кейт продолжала пользоваться той же краской?

— Наверное, она решила смириться с небольшим раздражением кожи.

Красные пятна на лице и шее миссис К. были не экземой, а следами крапивницы — аллергической сыпи.

— Возможно, лечащий врач не предупредил миссис Коннери, что ее иммунная система будет все чувствительнее после каждой окраски волос. Вчера все окончательно ухудшилось. Дыхательные пути женщины так набухли, что она задохнулась.

— Бедная женщина, — перекрестилась Вероника. — Только вот почему доктор-специалист по трупам сам не разобрался в этом?

Кэсси вновь вспомнила изумленное лицо Арчи Каффа, когда он понял, что скромный технический специалист смог наткнуться на истинную причину смерти миссис Коннери. Пару минут спустя Кафф тогда молча вручил ей подписанный бланк с распоряжением о проведении дополнительного анализа крови, необходимого для подтверждения теории Кэсси Рэйвен.

Вот черт!

— Справедливости ради, у них есть только двадцать — тридцать минут на обычное вскрытие, а анафилаксия как раз заведомо трудна для посмертной диагностики.

— Послушай-ка, это же *ты* кое-что заметила. Ты всегда замечаешь мелкие детали, когда другие люди просто скучают. Так было всегда, даже в твоём детстве, — утвердила бабушка, вилкой указывая на Кэсси. — Тебе следовало бы быть одним из таких докторов, с твоими-то мозгами!

Внучка лишь пожала плечами — бабушка уже не раз приводила этот аргумент. Кэсси знала, что была неплохим техническим специалистом в морге, но становиться патологоанатомом? Это звучало смешно — как перейти от пяти боковых нокаутов в парке к игре в «Арсенале». Медвуз не для таких девушек, как она, полуобразованных и выросших в зданиях городского совета. Гораздо больше такое образование подходило людям вроде Арчи Каффа — шикарным самцам, которые, казалось, плыли по жизни в ореоле непоколебимой уверенности в себе.

— А как же твои пятерки в вечерней школе? — продолжила бабушка и пересчитала отличные оценки на пальцах. — Пятерки по биологии и химии, четверка по физике. И пятерка по классической литературе.

— От этого пользы не больше, чем от макраме.

После окончания школы с четырьмя плохими выпускными баллами Кэсси намеревалась сбежать из бабушкиного дома. Конечно, она ее любила, однако, разница почти в пятьдесят лет, казалось, служила непреодолимой пропастью между ними. Заветной мечтой Кэсси было уехать за

границу и жить где-нибудь в прохладном месте вроде Берлина. Однако, когда Мазз, ее тогдашний бойфренд, рассказал девушке про сквот* попрошак в заброшенном административном здании на ферме Чалк, она решила, что это лучше, чем ничего.

В день, когда Кэсси исполнилось семнадцать, согнувшись под тяжестью переполненного рюкзака девушка обняла на прощание на пороге бабушку. Обе едва сдерживали слезы. Но когда Кэсси вышла на улицу, ее слезы высохли, и на смену печали пришло нарастающее возбуждение: она наконец-то свободна и может начать по-настоящему взрослую жизнь, ни перед кем не отчитываясь.

Через три месяца, когда отношения с Маззом прекратились, Кэсси скиталась по притонам, переезжая после каждого неизбежного выселения властями. Эту жизнь нельзя было назвать комфортной: все квартиры были скудны на удобства, в них часто не было ни воды, ни электричества, а меняющиеся группы соседей по дому отличались сумасшествием и креативностью. Сильно преданные друг другу, они делились всем, от еды до наркотиков, и Кэсси Рэйвен упивалась свободой за пределами родного дома — во всяком случае, какое-то время.

Спустя примерно полтора года этой бродячей жизни у девушки, продававшей газету «*The Big Issue*»** недалеко от дорогого магазина, состоялась случайная встреча, изменившая все. Стильная женщина лет сорока пяти подошла купить газету и осталась поболтать с продавщицей. Женщина оказалась преподавателем естественных наук из местного колледжа для взрослых. Она стала постоянно навещать Кэсси, принося девушке сэндвич и чашку кофе.

* Сквот — дом или квартира, незаконно занятые группой бездомных людей.

** Британская уличная газета, организованная в качестве социального проекта. Как и многие уличные газеты реализуется бездомными, давая им возможность минимального заработка и интеграции в общество.

Их разговоры затрагивали невероятное количество тем, начиная с восприятия глазом цвета в свете открытия воды на Марсе и заканчивая открытием целых пяти процентов неандертальской ДНК у европейцев. От этих встреч мозг Кэсси взрывался как фейерверк. Несколько недель спустя она уже записалась на вечерние научные занятия к миссис Эдвардс, или миссис Э., как называли ее ученики. После трудного старта Кэсси начала жадно дышать знаниями, как дышит дайвер, поднявшийся на поверхность.

— Что ж, я знаю одно, — говорила Вероника, — твоя мама, упокой Господь ее душу, очень бы тобой гордилась.

Кэсси Рэйвен перевела взгляд за бабушкой взгляд на фотографию, стоящую на каминной полке. На фото была изображена хорошенькая девушка лет двадцати в блузке с оборками, пышными волосами и застенчивой улыбкой. Маме было всего двадцать шесть, а отцу — немногим больше, когда они погибли в автокатастрофе, став жертвами подростка, водителя угнанного «Порше». Осиротевшая в возрасте четырех лет, Кэсси едва помнила свою мать, если не считать нескольких секундных ощущений: нежную щеку перед сном, арбузную сладость ее духов и платье с гигантскими оранжевыми маками. Почему-то ее воспоминания об отце были более яркими: папа несет Кэсси на плечах через лес, ее руки крепко сжимают отцовские темные кудри, он делает забавные рожицы, изображая самолетик вилкой с какой-то едой. Но то же самое лицо могло внезапно вытянуться в морду жуткого монстра.

— Babcia... — задумалась Кэсси, — сколько мне было лет, когда я стала приносить домой мертвых животных?

Вероника испуганно подняла голову:

— О, четыре или пять. Нашей первой гостьей стала мертвая сорока, которую ты нашла на дорожке.

— Я помню! У нее было настолько красивое оперение, что я никак не могла поверить, что такое совершенное существо никогда уже не полетит?